

Нежные языки пламени. Лотос

Автор:

[Алиса Клевер](#)

Нежные языки пламени. Лотос

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #11

Когда жених из знатного французского рода поставил Дашу Синицу перед фактом, что не станет жить в её скромной однокомнатной квартирке, ей пришлось переехать к нему. Сумка с книгами и переноска с котом – вот и всё, что Даша взяла с собой в новую жизнь. Просторный дом превратился для девушки в островок тихого счастья, ведь теперь она осталась наедине с любимым Андре. И кто знает, сколько ещё продолжалось бы их безмятежное бытие, если б однажды Дашу не озарила страшная догадка, связанная с прошлым, которое она так старалась забыть...

Алиса Клевер

Нежные языки пламени. Лотос

Все события, описанные в книге, являются вымышленными.

Любое совпадение персонажей, их имен, биографии с реальными людьми является случайным и ненамеренным.

It's time to leave this town;

It's time to steal away;

Let's go get lost...

Let's go get lost...[1 - Пришло время покинуть город;Пришло время скрыться от всех;Давай потеряемся...Давай потеряемся...]

Road Trippin' Red Hot Chili Peppers

Let me see you stripped...[2 - Позволь увидеть тебя обнаженной...]

Rammstein

Постепенно становясь сильнейшим из побуждений, страх ломает нравственный хребет человека и заставляет его глушить в себе все чувства, кроме самосохранения.

Джордж Оруэлл, 1984

* * *

Он не поцеловал меня на прощание. Справедливости ради стоит отметить, что он даже не прикоснулся ко мне – в наказание за мою непокорность. Он стоял, недвижимый, как статуя, смотрел на меня, словно все еще надеялся, что я передумаю и останусь, и уже я знала, что мне еще придется ответить за свое поведение. Тариф на свободу воли у Андре Робена высокий, как Останкинская башня, но мне было нужно поехать, и я хотела поехать одна. Это было мое дело, и только мое. Андре не мог сопровождать меня, не должен был даже знать, куда именно я еду, я не хотела ему говорить, но после витиеватых уклончивых «ну, надо и все» и «я тебе потом все объясню» Андре, конечно, взбесился и вытянул из меня все подробности и все мои планы. Он это прекрасно умел – вытягивать из меня все, что ему хотелось. Андре знал все коды доступа, у него в руках были все ключи, и я призналась, в конце концов, что собираюсь на «Профсоюзную», к людям, имеющим все причины, чтобы ненавидеть меня. Я решила навестить родителей моего бывшего парня Сережи, пропавшего без вести, с которым я рассталась, чтобы быть с Андре.

Оказалось, что Андре «против». Не только того, что я собираюсь провести полдня без него, вне его контроля, как кошка, собравшаяся гулять сама по себе. Андре вообще был против самой идеи увидеть родителей Сережи. Он сказал, что считает лучшим для всех, чтобы я осталась дома. Чтобы лежала голой, завернутой в простыню. В крайнем случае, в плед. Я ответила, что поняла его мнение, но все равно поеду. Его голос оставался холодным и спокойным в течение всего нашего разговора. Так я поняла, что он взбешен, что Андре в ярости и мне предстоит за свое своеволие заплатить.

Я стояла, одетая, со стянутыми резинкой волосами, и помешивала сахар в своем любимом стакане с чаем. Андре молчал. Он смотрелся странно и нелепо на моей кухне, как если бы ко мне в гости неожиданно зашел молодой Ален Делон. Случайно проезжал на своем кабриолете мимо Бибирево и решил заглянуть, узнать, чего у меня и как.

Андре поинтересовался, что я скажу родителям Сережи, а я и не знала, что ответить на этот вопрос. Андре подошел к моему кухонному окну и посмотрел наружу. Тяжелое серое небо, одинаковые серые дома – как все это, должно быть, злило и раздражало его. Он был тут только ради меня, а я уезжала к родителям своего бывшего парня и отказывалась брать его с собой.

– Ты только сделаешь им больнее, не считаешь? – произнес он, и я согласилась с ним.

– Сделаю. Но иногда лучше, когда больнее. Хуже, когда пустота и вакуум. Они же все это время – как в безвоздушном пространстве. – Я смотрела не на Андре, а в чашку, словно гадала по плавающим листьям. Я снова забыла, что чай нужно готовить в заварочном чайнике, насыпала его прямо в чашку. Теперь буду жевать листья. Я непригодна ни к чему, неприменима в быту, у меня скверный характер, я не беру Андре с собой к родителям Сережи. Что он во мне нашел? Ради чего этот высокий породистый красавец с высокомерным выражением лица стоит посреди моей кухни?

– У тебя нет никакой новой информации. Ты бесполезна и еще, еще ты – причина случившегося. Если бы не ты, он был бы жив, он был бы с ними. Они будут тебя

ВИНИТЬ.

– Пускай, зато у них появится кто-то, кого можно во всем винить. От меня не убудет.

– Ты так о них беспокоишься, словно тебя до сих пор с ними что-то связывает, – процедил он. – Я не желаю слушать больше о том, что он пропал. Я не хочу видеть этого взгляда на твоём лице. Этот твой Сережа! Слово ты все еще любишь его!

Последнее Андре выкрикнул, утратив самоконтроль, что случилось с ним крайне редко. Он посмотрел на меня так, словно сейчас ударит, и я ждала этого удара, как покорная собака, но он отвел взгляд, а затем вышел из кухни, со всей силы хлопнув моей хилой дверью. Я не могла поверить своим глазам или, скорее, ушам. Андре кричал на меня! Я не понимала, что такого было в моей поездке, что заставляло его так сильно бушевать. Ревность к призракам?

Я опустила взгляд, мои руки дрожали, я пролила чай на пол. Отставив чашку, я бросилась к раковине, взяла тряпку, вытерла капли с пола, а затем бросила тряпку обратно в раковину и закрыла ладонями лицо.

Зачем я еду, в самом деле?! Зачем я позвонила им и напросилась в гости? Андре был тысячу раз прав, я слишком беспокоюсь об этом. Я не люблю Сережу и никогда не любила по-настоящему, и как бы хотела я просто сделать вид, что в моей жизни никогда не было Сережи Варламова. Так бывает, и мы живем с кем-то, ходим в кино, покупаем вино на вечер, спим друг с другом, строим планы, даже поговариваем об ипотеке, пока вдруг однажды не появляется кто-то стоящий. И разница видна сразу. Разница настолько большая, что становится даже немного стыдно за то, что ты принимала этот компромисс за любовь.

Я хотела бы потерять память, забыть, что я делила с Сережей Варламовым мою старую, продавленную в середине постель, как я готовила ему завтраки на этой самой кухне, как трахалась с ним в маленькой ванной комнате, трахалась, когда

мне совсем не хотелось, безо всякого оргазма, а зачастую даже без его имитации. Два года. Стереть и жить дальше. Возможно ли такое? Андре был тем самым, настоящим, и я задышалась от восторга, даже когда просто вспоминала ночи в его руках. Любовь была острой, как самурайский нож, ею можно было убить, ею можно было сделать харакири. Темные медовые глаза моего Андре обвиняли меня в измене только потому, что я помнила все. Если верить статьям в газетах и фотографиям папарацци, я была русской Золушкой, подцепившей французского принца. У Золушек не должно быть темного прошлого.

Мой принц и сам темнее некуда.

– Девушка, выходите? – спросила меня недовольная старушка, подталкивая меня в спину своей безразмерной сумкой. Я очнулась и огляделась. Я в бесконечной кишке московской подземки пролезаю червяком через тоннели, прокопанные задолго до моего рождения. Надо мной пятьдесят метров земной коры, для могилы обычно достаточно двух, но тут, в метро, никто не думает об этом, все чувствуют себя в безопасности. Станция «Дмитровская». Нет, мне еще рано выходить, мне нужна «Новослободская», пересадка на кольцевую ветку, а потом «Проспект Мира», пересадка на Серезжину ветку, до «Профсоюзной». Я вдруг вспомнила, как часто Серезжка жаловался, что я живу крайне неудобно для него, что до меня добираться с двумя пересадками, а я в ответ показывала ему язык и говорила, что человек, живущий с родителями, вообще бы лучше молчал. Мы с Серезжей были друзьями, как я могла не понимать этого? Хорошими друзьями, которые отчего-то решили еще и раздеться друг перед другом. Не нашли другого повода смотреть вместе фильмы и лопать жареную картошку из сковородки.

Впрочем, Серезжа-то меня любил.

– Не выхожу, а вы не пинайтесь, – ответила я старухе, сдвигаясь чуть в сторону, прижимаясь к метрополитеновскому «шесту», цепляясь за него, чтобы не упасть. Бабка протолкалась к двери и чуть не врезалась в нее носом – прямо недовольной «картошкой» в надпись: «Не прислоняться». Поезд тормозил резко и непредсказуемо. Станции теперь объявляли на двух языках, русском и

английском, а мой слух резал и тот, и другой. Я уже привыкла слышать на улицах только французский.

– Расклячилась тут. Не выходишь, а чего встала? – возмущалась бабка, одновременно норовя заехать сумкой по моим ногам. Я почувствовала вдруг, как безумно смешно все это – бабка была похожа на тюленя, пробирающегося по лежбищу, и даже голос ее был такой же – тюлений. Я улыбнулась, и бабка еще сильнее повела своим носом «картошкой». Тогда я не удержалась и расхохоталась. Смех напал на меня, его сила росла по экспоненте, и я не могла остановиться. Истеричка. От омерзительной сцены бабку спасли только раскрывшиеся двери вагона, и она побежала вперед, не оглядываясь. Двери закрылись, и я покатила дальше.

Под конец, когда стало ясно, что меня не отговорить от этой «опрометчивой поездки», Андре попытался настоять, чтобы я взяла служебную машину его отца, но я наотрез отказалась. Именно так – наотрез, даже после того, как Андре привел аргументы о безопасности и моих обязательствах перед ним, как его невесты. Особенно после этих аргументов. Я была полна решимости в очередной раз поступить так, как мне заблагорассудится. Я дорожила этим правом быть «отутюженной» в вагоне в час-пик, я не хотела променять его на комфорт служебной машины отца Андре, предпочитая сделать две «неудобные» пересадки. Так я мстила Андре, мстила вперед, про запас, и он это прекрасно понял.

– Ты ведешь себя, как неразумный подросток.

– А ты – как сумасшедший тиран, – пожала плечами я.

– Я и есть сумасшедший тиран. Я думал, это для тебя не сюрприз. Ты знаешь меня, и все равно едешь. Чего ты хочешь добиться? Пустой квартиры по возвращении? Права на свободу? Ты передумала выходить за меня замуж?

– А замужество несовместимо со свободой? – удивилась я, улыбаясь искусственной, неестественной улыбкой.

– Ты не настолько глупа или наивна, чтобы не понимать, с кем имеешь дело, – ответил Андре. Мы помолчали, стоя в прихожей. Затем я потянулась за курткой.

– Не уходи, – в последний раз попросил он, удерживая мою куртку рукой.

– Иногда мне кажется, что я совсем не знаю тебя, – ответила я и рванула куртку на себя. Андре больше ничего не сказал, он отошел и поднял вверх две руки, давая мне понять, что более мне препятствовать не станет. Я нацепила свои ботинки-вездеходы и короткий пуховик, и ушла. Нет, я убежала, боясь, что Андре остановит меня или что я сама передумаю.

Поехать туда, на «Профсоюзную», было правильным поступком. Я ненавидела правильные поступки. Выйдя из поезда на нужной станции, я двинулась с места, медленно, будто к каждой моей ноге приковали по цепи с гирей, какими удерживали от побега каторжников. Я еле плелась в сторону эскалатора, а когда взошла на первую ступень, он неумолимо пополз вверх. На мою персональную Голгофу я ехала с комфортом.

* * *

Родители Сережи меня ждали. Может быть, они ждали меня дольше, чем я могла себе вообразить. Их глаза были как у потерявшихся на вокзале детей, они были в ужасе, они смотрели на меня с надеждой, хоть в глубине души и понимали, что надежды нет или, во всяком случае, она никак не связана со мной.

– Как же так? – спросила мама Сережи, Алевтина Ивановна, тетя Аля. Ее муж, Сережин отец, Дмитрий Сергеевич, молча кусал губы. На столе в их небольшой кухне стояли три чашки, чайник с темной мутной заваркой и сахарница. Я забыла принести печенье или что-то еще, я пришла к ним с пустыми руками, с пустыми глазами.

– Я не могу понять, тетя Аля, сколько не думаю, не понимаю, что же случилось. Я так надеялась, что он просто уехал, чтобы развеяться.

– Он уехал к тебе, – процедил дядя Дима тоном прокурора в суде. – Он поехал, чтобы сделать тебе сюрприз, а ты там с кем-то путалась!

– Дима! – воскликнула тетя Аля и бросила на меня короткий, полный беспокойства взгляд. Она боялась, что ее муж спугнет меня, и я уйду.

– Это так, да, – кивнула я. – Это ужасно несправедливо.

– Ты не могла сказать ему по телефону, что не любишь его? – хрипло спросил отец.

– Он сделал мне сюрприз. Это значит, что я понятия не имела, что Сережа приезжает, пока не увидела его на пороге в отеле. Я не хочу... дядя Дима, я приехала, чтобы сказать вам – я с вами. Я не собираюсь оставлять все, как есть. Я буду звонить в полицию, следить за новостями. Они все равно не могут этого так оставить. Может быть, он попал в аварию? Может быть, потерял память.

– Я слышал, ты выходишь замуж? – спросил Дмитрий Сергеевич, и я кивнула.

– Он так тебя любил, – вдруг добавила тетя Аля. – Я понимаю, ты ему не пара, я всегда это понимала. Сережа ведь очень простой мальчик. Рыбалку любит, дачу. А ты всегда была девочкой с запросами.

– Я никогда не была девочкой с запросами, – изумленно возразила я, а сама подумала – неужели я именно так выгляжу со стороны.

– Ты можешь рассказать, что случилось? – прервал меня Дмитрий Сергеевич. – Я хочу знать все, что случилось. Когда ты последний раз видела Сережу?

– Я... мы в тот день расстались, – пробормотала я, невольно бледнея. Воспоминания о том дне, о вечеринке в доме Габриэль потускнели, на них нахлопнулись все последующие события, охота, которую устроила на меня Одри Шараф, и я вдруг подумала, что все, что я помню про тот день – это как Сережа ударил меня кулаком по лицу, а потом, как Андре увозил меня на машине в арабский квартал.

– Значит, ты ему сказала, что... ты не любишь его? Как он воспринял это? Ох, я спрашиваю какую-то ерунду. Конечно, он был разбит! – Тетя Аля всплеснула руками и отошла к окну. Я чувствовала себя как рак, брошенный в кастрюлю с водой. Вокруг меня все начинало закипать и пузыриться, и я не знала, как выбраться. Андре был прав, я не должна была ехать. Они не смогут понять меня, они – его родители, зачем им понимать меня.

– Она его бросила, и он уехал, а потом что-то случилось. Всё. Она ничего не знает. Она ничем нам не поможет. Зачем мы вообще принимаем ее в своем доме? – Дмитрий Сергеевич выплевывал слова как пули, и, хотя говорил он с женой, все они рикошетом попадали в меня.

– Я могу уйти, – прошептала я, внезапно потеряв голос.

– Нет, не надо, – покачала головой тетя Аля. – Скажи, как ты сама думаешь, он еще жив?

– Я... я не знаю, но надеюсь на это. Как я уже сказала...

– Слушайте, хватит! Насмотрелись сериалов, где в тридцатой серии из комы выходят.

– Но не может же человек просто взять и пропасть? – прошептала тетя Аля, и я вдруг с удивлением отметила, что плачу. Слезы текли из моих глаз незаметно и без малейшего усилия. Эти слезы ничего не облегчали, ни с кого не снимали ноши, но они были как сгоревший предохранитель, взявший на себя удар внезапно взлетевшего напряжения. Тетя Аля подошла ко мне, села напротив и закрыла ладонями лицо. Ее плечи тоже затряслись, мы тихо плакали вдвоем. Мы оплакивали Сережу и ту несправедливость, ту неопределенность, в которой мы все оказались. Не может же человек просто так взять и пропасть. В самом деле!

– Куда он мог пойти? – спросил меня отец Сережи, и я пожала плечами.

– Не знаю.

– Как ты думаешь?

– Я думала... мы были на приеме. Мы там и поругались. Я уехала, а Сережа остался.

– С твоей мамой? Тебе самой не кажется это странным, что ты уехала, а он остался с твоей матерью? – Наш разговор все больше напоминал допрос.

– Он не остался... – растерянно кусала губы я. – То есть... я уехала и не знаю, что было дальше. Я спрашивала маму, она тоже его не видела. Я предположила, что он остался.

– Подожди, подожди, ты хочешь сказать, что сразу после вашей ссоры ты ушла и больше его не видела. А кто видел?

– Не знаю.

– Я понял, что не твоя мама. Но кто его видел? Гости? Хозяйка дома? Не знаю, прислуга какая-нибудь. На светских мероприятиях всегда полно людей! – возмутился отец.

– Я не думала об этом. Знаю лишь, что ранним утром он... – тут я замолчала, с опозданием осознавая, что сейчас меня засосет болото таких подробностей, из которого я вообще не выберусь. Отец Сережи смотрел на меня, как на нацистского преступника.

– Утром? Его видели утром следующего дня?

– Он попал на записи уличных видеокамер. Мне показали в полицейском участке. То есть не уличных. Я точно не знаю.

– Утром? – еще громче переспросил он. – Почему мы ничего об этом не знаем?

Я замолчала, не имея ответа на этот вопрос. Я даже не предполагала, что родители Сережи настолько не в курсе, я думала, что французская полиция передала им всю имеющуюся информацию. Определенно, им только сообщили, что их сын пропал без вести. Я не представляла, что теперь сказать. Что их пропавший сын поджидал моего будущего жениха у клиники, где тот работал,

подждал, будучи в стельку пьяным, а потом полез в драку. И это – последнее его появление, если не считать маминога сна или галлюцинации о том, что она видела то ли труп, то ли призрак Сережи. Эти подробности только ухудшат дело. Я пришла, чтобы принести покой, а не войну.

– Важно, что полиция ведет розыск, верно? Нашли видеозапись. Может быть, найдется и что-то еще, – пришла мне на помощь тетя Аля. Я благодарно кивнула. Мы молча разлили по кружкам чай, и некоторое время я отвечала на вопросы, ответы на которые были очевидными до жестокости. Не звонил ли Сережа? Нет, если бы. Может быть, он присылал что-то по электронной почте? Нет? Жаль, конечно. Может быть, у него просто нет доступа к этим всем гаджетам. Что? Мог поехать в Прованс или Нормандию собирать виноград? Почему бы и нет. Новая жизнь. Все-таки, он так тебя любил, мог от переживаний всякие глупости сделать.

– Нет, Аля. Нет. Он бы позвонил нам, – оборвал эту цепочку предположений дядя Дима, и мы снова замолчали. Затем, не сговариваясь, принялись вспоминать, как в прошлом году, летом, Сережа выловил под Питером огромную щуку. Тетя Аля побежала за фотоальбомами, нашла снимок с той щукой. Улыбающийся Сережа держал ее в руках, его счастье было таким же огромным, как у мужика из вирусного интернет-ролика про пойманную рыбу-язя. Мы листали альбомы, разговаривали о прошлом, о школьных годах, о том, что Сережа всегда хорошо разбирался с компьютерами, что ему бы чуть побольше усидчивости и упорства, и он мог бы вообще ученым стать – умный мальчик. Мы снова начали лить слезы, я попросила прощения, сама не зная, за что. В итоге все происходящее начало так сильно напоминать поминки, что мне стало трудно дышать. Я просидела у них, пока за окном не опустились сумерки – гораздо дольше, чем собиралась. Я приехала, чтобы рассказать им все, что знаю, а вместо этого больше слушала, чем говорила. Для родителей Сережи я была чем-то вроде моста. Пусть я и бросила их сына, но до этого была с ним два года. Ничего лучше в их распоряжении не имелось. Даже вещей, с которыми Сережа приехал в Париж. Моя мама не забрала их, когда уезжала в Авиньон, и я тоже не взяла их, покидая отель. Тогда я не знала, что делать даже с собой, мои мысли были похожи на стаю синиц, которую вспугнул случайный выстрел. Я забыла о его вещах. Полагаю, полиция изъяла их из хранилища отеля после того, как было возбуждено дело о пропаже без вести. Я точно не знала, что стало с вещами Сережи, и от этого мне было стыдно.

– Значит, последним, кто видел моего сына, был твой нынешний жених? Этот французский аристократ? Он что, действительно, какой-то граф?

– Кажется, у него есть титул, но я не уверена, что именно граф. Хотя да, граф.

– Ты не уверена, граф он или князь, Даша? Ты выходишь замуж за этого парня, я ничего не путаю? – скривился Дмитрий Сергеевич.

– Я читала о вас с этим графом Де Моро, – сказала вдруг тетя Аля, краснея, и я подумала о том, как это, должно быть, выглядит со стороны. Молчаливая нескладная дочка знаменитой актрисы, «девочка с запросами», как она назвала меня, встречалась с ее сыном целых два года, а потом во Франции познакомилась или, правильнее будет сказать, подцепила кого-то получше, поинтереснее – графа – и всё, плюнула на ее сына, променяла его на деньги и статус. Что тетя Аля могла прочесть, что могли написать эти журналисты? Могла увидеть мою фотографию в окне дешевой многоэтажки в арабском районе, могла представить себе, что это за «любовь» у меня с графом. Никаких упоминаний о том, что у Золушки до появления принца уже был другой. Ее сын Сережа.

– Газеты всё врут, – сказала я, уткнувшись в чашку, но подавилась чаем и закашлялась. Пауза висела долго, слишком долго, чтобы разговор снова перешел в нормальное русло. Я заторопилась, сказав, что мне пора уходить, что мне еще нужно навестить маму в больнице. Тетя Аля тут же засуетилась, принялась собирать какую-то еду для мамы, которую, как я не отнекивалась, мне пришлось взять.

– У мамы диабет! Ей нельзя пирожков, – пожаловалась я, пытаюсь избавиться от увесистой пачки.

– Диабет? Как? А мы не знали! Она из-за этого в больницу попала?

– Да, из-за этого.

– Какая жалость. Такая красивая женщина, такая сильная, талантливая! – воскликнула тетя Аля, но пирожков обратно не взяла. Мне пришлось тащить их, прекрасно понимая, что мама ни за что в жизни не станет есть чьих-то там пирожков. Если я и казалась кому-то «девочкой с запросами», то моя мама ею

была.

* * *

Я не соврала, когда сказала, что собираюсь навестить маму, хотя изначально и не планировала этого делать. После тяжелого разговора я бежала по улице, чувствуя себя оторвавшимся листком, который уносит ветром. Странное, крайне специфическое чувство снова овладело мной. Мне казалось, что я что-то упускаю, чего-то не понимаю. Будто я склонилась над кучей разрозненных пазлов, из которых все пытаюсь – безуспешно – собрать слово «Вечность». Я все больше и больше сомневалась, что из этой неразборчивой груды можно сложить целостную картину. Нужно отделить зерна от плевел. Что-то я упускаю, но что? Что нельзя плакать на бегу? Что Андре разозлился так, что, возможно, уже бросил меня?

Я просто хотела увидеть маму.

Когда я пришла, она спала, но я уже привыкла к этому и даже называла ее про себя Спящей Красавицей. Меня пропустили к ней без единого вопроса, в платных клиниках не бывает приемных и неприемных часов. Если бы я захотела, то смогла остаться тут на ночь. В палате было хорошо, спокойно. Мерно тикали часы, но звук не мешал мне думать, а маме – спать. Приоткрытое окно снимало тяжелый запах лилий из букетов, он становился переносим. Мама любила цветы не за их красоту, а за то, что они обозначали. Успех, востребованность, поклонники, роли, роли, больше ролей. Ее работа была ее жизнью, она не ценила простого счастья, любви, меня. Только когда говорили: «Мотор», мама становилась самой собой.

– Кто здесь? – ее голос заставил меня подпрыгнуть в кресле, где я свернулась клубочком, раздумывая над кусками моего не собираемого пазла, куда теперь еще добавились и родители Сережи.

– Мама? Это я, Даша. Господи, мама. Ты пришла в себя? – Я улыбалась и плакала одновременно. Я думала, что на сегодня выплакала все слезы, но эти были

другими, хорошими.

– Я пришла в себя еще вчера, если уж на то пошло, – сказала мама ворчливо, и я невольно рассмеялась, бросилась к ней и взяла ее за руку. Рука была холодной и тонкой, мама сильно похудела. Зато характер не изменился, она смотрела на меня и кривилась от раздражения.

– Почему ты не причесана? – спросила она, разглядывая мой хвостик.

– Я-то как раз думала, что причесалась.

– Замотать волосы куском резинки – не значит причесаться, Даша. Ты похожа на учительницу географии.

– Почему именно географии? – усмехнулась я, укрывая мамины руки одеялом. Я продолжала держать ее ладони в своих под ним. Только сейчас, сидя тут рядом с нею, я вдруг поняла, насколько боялась ее потерять. Без нее моя жизнь не имеет никакой точки опоры, она всегда была моим солнцем, вокруг которого я вращалась. Мне было наплевать на то, что меня не замечали, мне было все равно, сколько других планет – мужчин, любовников, знакомых и поклонников крутится вокруг моей звезды. Она все равно всегда возвращалась ко мне. Моя мама.

– Не знаю, почему. Ну кто может стать учителем географии? Я вообще повесилась бы, если б мне пришлось оказаться в комнате с двадцатью детьми, но кто уж не имеет фантазии на что-то другое – они идут учить литературе, иностранным языкам, математике там. А география – это уж совсем странно, как твой хвост дурацкий.

– География, между прочим, очень важная наука. Она открыла все континенты.

– И что? Континенты. Можно подумать, от них проку много. Тут по одному континенту не наездишься. Нет, ты мне объясни, что произошло? Как я тут оказалась? Я даже не могла поверить, что я в Москве. Я была в Авиньоне, на съемках. Что будет с фильмом? Господи, какой позор!

– Нет, ты нормальная? Думать о съемках, когда ты только вышла из комы?
Мам! – возмутилась я.

Мама посмотрела на меня так, словно я была совершенным несмышлеником. Конечно, какая может быть кома, когда речь идет о съемках. Она наверняка предпочла бы не прекращать съемок и в этой ситуации. А что, в самом деле, ведь таких персонажей полно! Как сегодня заметил отец Сережи: в каждой тридцатой серии кто-то нет-нет, да и выйдет из комы.

– Кстати, о съемках. Я так понимаю, что мой дорогой Кузя ни разу не пришел меня повидать? Вот она, любовь молодых, ни в чем нельзя быть уверенной.

– Да он просто дурак, твой Кузя! Сам не понимает, что потерял, – вступилась я. Мамино молодого любовника, певца, чьи песни никто не знает, смазливую Кузьму Савина я не могла выносить с самого начала. Мама вздохнула и сжала мои пальцы.

– Эх, Даша, Даша, какая ж ты наивная. Кузьма прекрасно понимал, что теряет и что приобретает. Ты считаешь меня полной дурой? Но согласись, он такой красивый.

– Слишком красивый! Он ухаживает за собой больше, чем я.

– Что совсем не трудно, не правда ли? – отбрила меня мама. – Однако, как я понимаю, это не помешало тебе подцепить кого-то стоящего. Шура сказала, ты выходишь замуж, это правда? Как тебе это удалось?

– Она сказала? – я всплеснула руками. – Нет, это ни в какие ворота не лезет. Все-таки мне хотелось бы сообщать подобные новости своей матери самостоятельно. А она сказала, за кого?

– О, Шура заявила, что ты подцепила французского графа, а поскольку я не могу представить себе никакой другой французской аристократической семьи, с которой ты хоть раз пересекалась, кроме семьи Де Моро, то, полагаю, либо Шура ошиблась, либо ты каким-то образом подцепила кого-то на той вечеринке в особняке Габриэль Буже. Признаюсь честно, первая версия кажется мне намного реалистичнее.

– Ты всегда в меня верила, – хмыкнула я с умеренным сарказмом. Мама измерила меня своим фирменным оценивающим взглядом и пожала плечами.

– Просто помню, как ты выглядела в тот день. Хотя платье было довольно миленьким. У мужчин вкусы бывают самые престранные, а ты по-своему хороша. Диковата, но хороша. И все же согласишься, твой конский хвост – и граф! Неужели, правда?

– Представь себе, – улыбнулась я. Мама тоже улыбнулась и кивнула. Я видела, что она устала, но я не хотела уходить. Я спросила, не будут ли ее больше вводить в этот искусственный сон, и мама заверила меня, что она выспалась лет на пять вперед.

– Вообще, это самый странный опыт в моей жизни. Я помню, как вчера я ждала курьера со съемочной площадки, мне должны были прислать сценарий на завтра. А следующий момент – и я тут, в Москве, утыканная какими-то капельницами. И прошло несколько недель. Чудовищно. Теперь меня, наверное, вообще вырежут из фильма. Честно говоря, у меня и роль-то была небольшая. Продюсеру понравилось то, что я говорю по-русски. Акцент, им нужен был акцент. Но слов у меня было – кот наплакал. С таким же успехом можно было снимать немую.

– Мама.

– Что? – она посмотрела на меня с удивлением, словно вообще забыла, что я нахожусь рядом с ней.

– Скажи, а ты ничего странного не заметила перед тем, как у тебя случился приступ? – спросила я, кусая ногти. Мама замолчала, разглядывая меня, словно я была живым кроссвордом. Вниз по вертикали, семь букв. Свихнувшаяся дочь. Идиотка.

– В каком смысле – странного?

– В любом смысле. В поле зрения попали подозрительные люди... Может быть, к тебе кто-нибудь приходил. Или, к примеру, у тебя возникло странное чувство, будто что что-то идет не так. Может, кто-то был в твоей комнате. Женщина...

– Женщина... ты говоришь о ком-то конкретно? – нахмурилась мама. – Что произошло, почему у тебя такое лицо, словно ты проглотила пенку от киселя. Ты что-то не договариваешь.

– Я просто пытаюсь понять, что произошло. Может быть, на тебя кто-то напал.

– Напал? На меня? Зачем? – Мама хлопала глазами, а я жалела, что завела этот разговор. Мама только пришла в себя, а я волную ее. Знаю же, что людям с сахарным диабетом нельзя волноваться, и вот – хорошая же я дочь! – мучаю ее вопросами.

– Просто скажи, что ничего необычного не было, и я успокоюсь. Ведь... у тебя же никогда не было таких серьезных приступов.

– Все когда-то случается в первый раз, – резонно заметила мама. – Дай мне зеркало. И косметичку. Ты можешь включить свет настольной лампы? – Я механически выполняла все ее просьбы (читай приказы). – Отвечая на твой дурацкий вопрос, нет, Даша, я никаких женщин не помню. И мужчин особо тоже. В Авиньоне было ужасно скучно, и я хотела оттуда уехать.

– Женщина в парандже. Вернее, в никабе.

– Что такое никаб? – спросила мама, внимательнейшим образом разглядывая себя в маленьком зеркальце. Ей не нравилось то, что она видела.

– Это такой платок, который закрывает все, кроме глаз.

– То ест паранджа?

– Нет, никаб. Паранджа оставляет часть лица открытой, впрочем, многие путают.

– А когда ты стала таким экспертом, Дарья? Ты ничего не хочешь объяснить? Почему я должна была видеть женщину в парандже? Или ты имеешь в виду, что у меня снова могли возникнуть галлюцинации, как с Сережей. Постой? Сережа? Его нашли? Он живой или все же мертвый?

Последний вопрос заставил меня замолчать и побледнеть. Я молчала так долго, что мама нахмурилась, отложила косметичку и строго посмотрела на меня.

– Скажи мне, Даша, этот твой граф, за которого ты выходишь замуж – это не тот мужчина, с которым ты... развлекалась в самом начале нашей поездки? Я имею в виду тот тип развлечений, после которых на руках остаются следы. Мне кажется, ты понимаешь, о чем я говорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пришло время покинуть город;

Пришло время скрыться от всех;

Давай потеряемся...

Давай потеряемся...

2

Позволь увидеть тебя обнаженной...

Купить: <https://tellnovel.com/ru/alisa-klever/nezhnye-yazyki-plameni-lotos>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)